

ПРОСТРАНСТВО ЕВГЕНИЯ ДОБРОВИНСКОГО

Нет человека, которого мне легче было бы назвать гением, нежели чем Добровинского. И все-таки, каждый раз думая о нем, я вспоминаю далекого, казалось бы, от него художника — Сергея Параджанова. Из-за мировоззрения... Когда я делал книгу о Параджанове, очень часто думал о Жене, о его свободной «полётности», о его необязательности по отношению к себе, о его таланте, которому он одновременно и придает, и не придает особое значение. Несмотря на то, что **Евгения ДОБРОВИНСКОГО** знают очень многие, а лучшие люди искусства относятся к нему с искренним уважением и признанием, мне кажется, что его общественная судьба могла сложиться иначе: ровно, академично и очень мощно. Но он все делал, чтобы разрушить эти свои возможности и такое представление о себе. Может быть, он легкомысленный, — это в нем мне тоже нравится.

Судя по тому, что Женя делает в каллиграфии, он чрезвычайно свободен. Свободен до невероятной степени, кажется, ему все подвластно. Он ловит формы чужих языков... может сделать буквально все. И делает. Бесценна его идея каллиграфической школы, — люди вокруг буквально собираются стаями, чтобы следовать за его рукой. А рука эта вычерчивает — Господь знает, чего она только ни вычерчивает...

Его рисунки, — вероятно, он делал их всегда, — и мне они чрезвычайно интересны. Его птицы не-

обыкновенные и ощущение того, что весь мир пребывает в воздухе, — нет земного мира, есть пространство Евгения Добровинского.

Что касается его работы в театре, работы человека, создавшего плакаты к практически всем моим спектаклям, — это особый уровень. Я думаю, — самый высокий уровень человека, создающего плакаты, выше я не знаю. И дело даже не в том, что он понимает мой театр или какой-нибудь другой, понимает его правильно. Дело в том, что он просто знает, что такое театр, в нем это существует. Артистизм? — может быть. Легкомыслие? Чувство эффектности? Он страшно эффективный человек и мастер, который понимает, что плакат — это удар. Не всегда и не все получается, но очень много удивительных работ связано с ним, было им создано.

Я не люблю, когда он стареет. Я вообще не люблю, когда стареют мои друзья. Но оказалось, что друзья стареют сами по себе, а их дело остается прежним. Они все так же им владеют. Это очень странная вещь: кажется, тебя уже не так слушаются пальцы, ты чем-то заболеваешь, еще что-то, — но это не имеет никакого отношения к твоему искусству. Наверное, никто лучше Добровинского не доказывает правды этих моих слов.

*Народный артист России, художественный
руководитель Московского театра «Эрмитаж»
Михаил ЛЕВИТИН*

*Евгений Добровинский
и Михаил Левитин*